

Орасио Кирога

Строгий порядок вещей

До прошлого года на пересечении улиц Артес и Хункаль каждый вечер появлялся человек в сюртуке и цилиндре и принимался, движимый навязчивой идеей, регулировать поток экипажей, дабы избежать затора. По четвергам и воскресеньям работы у него прибавлялось¹, ибо подходил добросовестно к возложенной на себя миссии. Душу вкладывал в это неблагодарное дело; уставший, взмыленный, имея до крайности озабоченный вид, он ощущал как будто лёгкость, воодушевление от осознания исполненного долга. Человек этот был сумасшедшим, и как же просто дошёл до столь плачевного состояния.

Николас Пуэйрредон служил коммивояжёром. Как посредник в торговых делах, имел касательство к разным коммерческим операциям, в которых, к сожалению, ничего не смыслил. Исповедовал веру в строгий порядок вещей, отрицая любые потрясения. Твёрдо знал, что к числам, бесконечным по своей сути, можно смело добавлять единицу, самую обыкновенную единицу.

«Воистину, они бесконечны, — говорил он с довольным видом. — Всегда есть место для единицы».

Далёкий от сумасбродных поступков, он просто жил с этой мыслью, упивался ею. В остальном же натура эта была бойкая, темпераментная.

И вот в один прекрасный день, в пять часов пополудни, он вышел из дома и взял направление к южной гавани. Ему надлежало через отделение связи на «Париже»² отправить с последней почтой письмо. На улице Сан Мартин экипаж встал; десять минут потеряны. На перекрёстке улиц Дефенса и Венесуэла загородила дорогу коляска, да так, что пять минут нельзя было двинуться с места. На той же улице Дефенса, на пересечении с улицей Соединённых Штатов, экипаж коммивояжёра наехал на двигавшееся задним ходом купе³ с жёлтыми колёсами; потеряны ещё десять минут. Так что в гавань он прибыл, когда дым парохода уже стлался над входным каналом.

Коммивояжёр был потрясён до глубины души. Не то чтобы он переживал из-за случившегося — огорчало другое: могла пострадать его репутация. Поскольку письмо требовало срочной отправки в Монтевидео, подобная за-

¹ В столице Аргентины Буэнос-Айресе, где происходит действие рассказа, в конце XIX — начале XX века заметным событием в жизни городской элиты был так называемый парад экипажей. Проводился по четвергам и воскресеньям, в вечернее время, преимущественно весной-летом, в парке престижного района Палермо. Являясь по сути демонстрацией роскоши, от карет до нарядов и драгоценностей, прогулки в экипажах стали своего рода ритуалом для представителей высшего света. — Здесь и далее прим. пер.

² Название почтово-пассажирского парохода, входившего в состав речного флота Уругвая. Курсировал по реке (эстуарию) Ла-Плата между столицей Уругвая Монтевидео и Буэнос-Айресом. В 1911 году судно перешло под флаг Аргентины.

³ Здесь: легковой автомобиль с закрытым типом кузова; отличался двумя дверьми и одним рядом сидений.

минка бросала тень на торгового посредника: а хватает ли ему деловитости? Кто-кто, а он, Николас Пуэйрредон, являл собой воплощение самого что ни на есть безукоризненного исполнения своих обязанностей. Одним словом, неприятная вышла история.

Несколько дней спустя наш торговый посредник, повторяя с той же целью маршрут и столкнувшись с такой же обстановкой на дорогах, вновь не поспел на пароход. Теперь он рассердился не на шутку. Сначала долго препирался с кучером, затем давай разоряться, указывая в центр города: устроили, мол, безобразия — никакого порядка в движении. Вечером в компании без конца роптал: не представлялось-де возможным два квартала подряд проехать... а страдать должны те, кто рискует своей репутацией из-за коряво состряпанных правил...

Кажется, в последующие дни его поджидали не меньшие злоключения. Тогда же в кофейне он поделился со мной наболевшим; категоричность, обличительный жар его слов побуждали как-то подействовать на собеседника.

— Послушайте, старина, — улыбаюсь ему, вставая из-за столика, — ведь так оно всегда и бывает! Ваше негодование справедливо, спору нет; но мы на каждом шагу сталкиваемся с подобными вещами — не одно, так другое, не другое, так третье... — и подкрепляю изрядной долей философии.

— Не знаю, не знаю, не знаю, — твердит он, ещё более распаляясь. — Кто следит за порядком? Кто исполняет постановление? По какому праву человека подвергают риску потерять минуту, секунду, вот столечко?

Он показывает, судорожно сжимая ложку, заключённый между большими пальцами маленький фрагмент.

— Да, представьте: вот столечко!

Его устремлённые на меня глаза находились от моих в каких-нибудь десяти сантиметрах. Он бросил ложку на стол и удалился прочь.

Проходит время; вот он бредёт по улице — голова и плечи мелко подрагивают, лицо осунулось — и мечет злобные косые взгляды на проезжающие экипажи.

В конце концов стремление к порядку перерастает у человека в идею фикс, что при подобного рода заикленности граничит с помешательством. Обращается в городскую управу (десять раз за один день), но его там и слушать не хотят. Коммивояжёр в бешенстве. Как очумелый, носится по газетным редакциям — и тоже безрезультатно. Потом по целым дням разъезжает в экипаже, всем своим видом выражая ненависть и озлобленность. На участках, где движение затруднено, высовывается до половины и ну орать, как потерпевший; столь вызывающее поведение приводит всё же к некоторым подвижкам.

И, наконец, финал его дорожных неурядиц. На календаре восемнадцатое сентября тысяча девятьсот второго года, четверг. Экипаж коммивояжёра вынужден встать на перекрёстке улиц Хункаль и Артес, чему виной парад экипажей, возвращающийся из Палермо. Жалкое, грустное зрелище разыгралось сию минуту на мостовой! Николас Пуэйрредон вскакивает на козлы, вырывает у кучера вожжи, отчего тот падает, и с яростными воплями, орудуя кнутом, таранит стоящие впереди коляски. Бедолагу силой стаскивают с козел; истошные крики ещё долго оглашают улицу.

В следующее воскресенье, в четыре часа пополудни, Николас Пуэйрредон уже поджидал на месте — на углу Артес и Хункаль.

— До чего всё просто, — проронил один из слушателей, когда рассказчик умолк.

— Без преувеличения, — подхватил другой, — это прекрасный образчик того, как можно запросто лишиться рассудка. Что уж говорить про коммивояжёра, который с самого начала был безумцем.